

Список літератури: 1. Берсенева Т.П. Гармония как субъективный феномен / Т.П. Берсенева: [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета» Выпуск 2006. – Режим доступа: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpru-2.pdf>. 2. Коростылева Н.Н. Гендерный конфликт как разновидность социальных конфликтов: автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11. / Н.Н. Коростылева; Воронежская архит.-строит. акад. – Воронеж, 1998 – 20 с. 3. Мішик Л.І. Формування гендерної рівності майбутніх соціальних педагогів в умовах соціального партнерства «Факультет – громадська організація» / Т.П. Голованова, В.В. Васильєва. – Запоріжжя : Просвіта, 2006. – 220 с. 4. Саблина Н.А. Толерантность как способ гармонизации семейных отношений в России: автореф. дисс... канд. социол. наук: 22.00.04 / Н.А. Саблина – Иркутск, 2006 – 18 с. 5. Шустова Л.П. Формирование гендерной толерантности старшеклассников в специально созданных педагогических условиях: автореф. дис... канд. пед. наук: 13.00.01 / Л.П. Шустова; Ульяновск, 2006 – 26 с. 6. Яценко Л.В. Педагогічні умови підготовки старшокласників до сімейного життя в процесі гендерного виховання: автореф. дис... канд. пед. наук: 13.00.07 / Л.В. Яценко; Переяслав-Хмельницький педагогічний ун-т ім. Григорія Сковороди. – Переяслав-Хмельницький, 2006. – 24 с. 7. Яшник С.В. Педагогічні умови виховання культури міжстатевих стосунків у студентів вищих навчальних закладів: автореф. дис... канд. пед. наук: 13.00.07 / С.В. Яшник; К., 2006 – 24 с.

*Беспалов С.В.
г. Москва, Россия*

ДОКТРИНА «ВОЙНЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ»: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Проблема противодействия террористической угрозе, приобретшая значительную актуальность во второй половине XX века, на протяжении последних полутора десятилетий стала вопросом первостепенной важности как для политических кругов и общественности целого ряда государств, включая, разумеется, и Россию, так и для важнейших международных организаций – глобальных и региональных. Закономерно, что она находится в центре внимания многих учёных-обществоведов (юристов, политологов и т.д.).

Действительно, на рубеже XX–XXI веков стало очевидно, что проблема, обычно именуемая международным терроризмом, по некоторым параметрам вошла в число глобальных проблем человечества. Ю.В. Косов относит к числу таких параметров планетарные масштабы проявления проблемы; крайне высокую её остроту; «негативный динамизм, когда отрицательное воздействие на жизнедеятельность человечества возрастает; потребность неотложного решения». Кроме того, проблема эта «связана с основными сферами жизнедеятельности мирового сообщества и социумов отдельных стран: политикой, национальными отношениями, религией, экологией, преступными сообществами и т.п.» [4].

В то же время, несмотря на активную теоретическую работу в данной сфере, до настоящего времени не выработано общепризнанного определения терроризма. Кроме того, на наш взгляд, многими политиками и учёными до сих пор не осознано, что сформулированная идеологами Администрации Дж. Буша в 2001 г. доктрина «войны с международным терроризмом», быстро и практически безоговорочно поддержанная европейскими союзниками США, а также некоторыми другими странами, включая

Россию, изначально являлась скорее инструментом геополитической экспансии в новых условиях, чем попыткой найти ответ на реально существовавшие вызовы.

Необходимо отметить, что в условиях постоянно раздающихся со стороны представителей властных элит различных государств призывов обеспечить, наконец, подлинное единство действий международного сообщества в борьбе с глобальной террористической угрозой серьёзные, порой концептуальные различия в определении терроризма и, соответственно, в отнесении тех или иных режимов, организаций, группировок сетевого типа к числу террористических становятся довольно важной проблемой.

Налицо не только существенно различающиеся определения терроризма, предлагаемые представителями различных государств или разных научных школ, – это достаточно легко объяснимо, учитывая, что в фокусе их внимания оказываются порой различные проявления террористической деятельности, кажущиеся им ключевыми. Так же просто объяснить и различия в понимании терроризма представителями СМИ, властных структур и академических кругов. Но, как это ни парадоксально, даже представители различных ведомств одного и того же государства порой используют отличные друг от друга дефиниции. Так, например, Государственный департамент США определяет терроризм как преднамеренное политически мотивированное насилие, осуществляемое преимущественно против мирного населения, как правило, с целью *повлиять на массовое сознание*. В то же время в документах ФБР терроризм характеризуется как противозаконное применение насилия против граждан и их собственности с целью запугивания, *оказания давления на правительство*, гражданское население или его отдельные группы ради реализации террористами своих политических, а также социальных целей. Как видим, различия достаточно существенные – и это в стране, бросившей на борьбу с терроризмом колоссальные ресурсы, не только финансовые и военные, но и интеллектуальные.

На уровне ООН, прежде всего в резолюциях Совета безопасности, понятие «терроризм» использовалось многократно, однако чёткого определения так и не было сформулировано; в результате, например, в резолюции СБ ООН № 1566 от 8 октября 2004 г. использована достаточно расплывчатая формулировка: под терроризмом здесь понимаются «преступные акты, в т.ч. против гражданских лиц, совершаемые с намерением причинить смерть... или захватить заложников с целью вызвать состояние ужаса у широкой общественности..., запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие... и представляющие собой преступления по смыслу международных конвенций и протоколов, касающихся терроризма». В России в 2006 г. была предпринята попытка дать определение терроризму на законодательном уровне (Федеральный закон № 35 «О противодействии терроризму»), что само по себе было достаточно важно; однако закреплённое законом понимание терроризма не только как «*практики* воздействия на принятие решений органами государственной власти», связанной с устрашением населения, но и как «*идеологии* насилия» привело к определённой размыванию понятия. Расширительные трактовки терроризма достаточно распространены и в российской научной литературе. Так, Ю.И. Авдеев считает необходимым включить в структуру терроризма как социального явления, наряду с собственно террористической деятельностью, ещё и такие элементы, как экстремистская террористическая идеология и комплекс организационных структур для осуществления терроризма [1, с. 40].

Указанные сложности в определении терроризма и, соответственно, формулировании универсальной стратегии борьбы с ним, на наш взгляд, обусловлены в значитель-

ной степени тем, что от внимания и политиков, и журналистов, и многих представителей академического сообщества ускользает простой факт: терроризм является ничем иным, как тактикой, используемой разнообразными движениями экстремистской направленности, созданными, как правило, по религиозному или этническому принципу. Отметим, что подобный подход нашёл своё отражение в «Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма», принятой Резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 года, в которой неоднократно повторяется формулировка «акты, методы и практика терроризма» [3].

В отдельных случаях, правда, высказываются принципиально иные суждения относительно природы терроризма: в Белой книге правительства Франции по вопросу противодействия терроризму использовано понятие «идеологического терроризма», выражающего «экзистенциальное отречение от мира», единственной целью которого является сам террор; однако такого рода характеристики терроризма, представляющиеся нам не вполне адекватными, встречаются всё же достаточно редко.

Провозглашение Администрацией США в 2001 г. «международного терроризма» в качестве врага, с которым всему цивилизованному миру следует вести *войну*, было, по всей видимости, обусловлено не только и не столько нехваткой времени для поиска точных в содержательном отношении и юридически корректных формулировок, сколько стремлением априори легитимировать использование как спецслужб, так и вооружённых сил против организаций и – прежде всего – политических режимов, реально или якобы поддерживающих в организационном и финансовом отношении террористов, устранение которых Вашингтон считал своей насущной задачей. Российские же власти поддержали идею «войны с террором» как глобального проекта не только ради улучшения отношений с США, но и для того, чтобы представить свою борьбу с чеченскими сепаратистами и поддержавшими их представителями международных исламистских группировок в качестве одного из «фронтов» в этой «войне» и, соответственно, снизить остроту критики в отношении своей политики в Чечне со стороны западных политических и интеллектуальных элит.

Отметим, что оригинальные суждения по обозначенной проблеме были высказаны в одной из последних работ выдающегося российского теоретика международных отношений М.А. Хрусталёва, сформулировавшего концепцию диверсионно-террористической войны как одного из трёх возможных типов войн, наряду с регулярной и партизанской (хотя границы между партизанской и диверсионно-террористической войной, по словам самого Хрусталёва, на практике нередко оказываются размыты). При этом М.А. Хрусталёв подчёркивал необходимость отграничивать диверсионно-террористическую войну от терроризма вообще и политического терроризма в частности, несмотря на их очевидное родство: «Политический террор – это всегда явление сугубо индивидуально-избирательное, а любая война – это явление массовое. Индивидуальный террор может быть и, как правило, бывает составляющей диверсионно-террористической войны, но не доминирующей. Акт политического террора (убийство государственного или политического деятеля) и даже серия актов – ещё не война» [6, с. 120–121]. Кроме того, Хрусталёв считал необходимым подразделять диверсионно-террористические войны, ведущиеся разного рода политическими движениями, на внутренние, идущие в пределах своей страны с целью свержения существующего правительства либо ликвидации иностранного господства, и внешние, ведущиеся за пределами собственной страны с целью (как правило) изменения внешнеполитического курса правительства иностранного государства. При этом М.А. Хрусталёв утверждал, что, несмотря на определённые успехи, чеченские сепаратисты «не смогли превратить локальную диверсионно-терро-

ристическую войну в крупномасштабную» [6, с. 124–125]. Несмотря на то, что предложенные Хрусталёвым определения и классификации не бесспорны, его суждения о принципиальных различиях между различными формами террористической деятельности и недопустимости отождествления терроризма и диверсионно-террористической войны представляются вполне обоснованными. То, что террористическое насилие не равнозначно «классически» военному, подчёркивают и другие исследователи. Так, С.А. Старостина отмечает, что «террористы рассчитывают главным образом на психологический эффект своих действий, а не на военно-стратегический. У военных стратегов и стратегов терроризма разные цели-задачи, хотя методы могут часто быть общими» [5, с. 8].

Проблема определения терроризма носит отнюдь не только терминологический, академический, но и вполне практический характер. На наш взгляд, определение терроризма не как тактики врага, а как самого врага и обусловленная этим ориентация на поиск универсальных методов борьбы с ним, равно как и разговоры о необходимости создания глобальной антитеррористической коалиции, на практике нередко препятствуют выявлению национальной, региональной, религиозной специфики конкретных организаций и сетевых структур, избравших террор в качестве метода достижения своих целей. Априорное позиционирование их в качестве одного из отрядов «террористического интернационала» в ряде случаев затрудняет адекватную оценку соответствующих экстремистских движений и выработку эффективной стратегии противодействия им. Коль скоро различны социальные условия, порождающие их возникновение, цели, которые преследуют экстремистские структуры, их социальная база и т.п., то и стратегия противодействия им должна быть различной. Наконец, заявления о международном терроризме как общем враге со временем порождают и неизбежные обвинения несостоявшимися партнёрами по мифической «антитеррористической коалиции» друг друга в следовании практике «двойных стандартов» в отношении различных экстремистских организаций. На это обращал особое внимание и М.А. Хрусталёв, указывая, что разногласия между членами ООН по поводу того, что следует, а что не следует считать терроризмом, «имеют глубинную идеологическую основу и, в частности, принятие или непринятие принципа: «цель оправдывает средства» [6, с. 128]. Ярчайшим тому подтверждением явился опыт противодействия российских властей северокавказским сепаратистам, пользовавшимся значительной международной поддержкой (и не только со стороны исламских стран); как известно, использование противниками федеральной власти откровенно террористических методов борьбы рассматривалось и официальными кругами, и – в ещё большей степени – общественным мнением ряда государств в качестве приемлемых методов национально-освободительного движения, партизанской борьбы и т.д.

Принятие в 2006 г. «Глобальной контртеррористической стратегии ООН» [2], на наш взгляд, не привело к принципиальному изменению ситуации. Достаточно отметить, что участие в антиправительственных действиях в Ливии в 2011 г. и в Сирии в 2011–12 гг. многочисленных боевиков, не отрицающих своих связей с Аль-Каедой и иными террористическими группировками и использовавших открыто террористические методы борьбы, не только не заставило западных лидеров пересмотреть своё отношение к вооружённой оппозиции в этих странах, но, как правило, даже не побуждало их осудить совершавшиеся террористические акты в отношении представителей «антинародных» режимов и поддерживающей их части населения. Более того, после начала «арабской весны» упоминания о глобальной террористической угрозе раздаются в западных столицах всё реже, несмотря на то, что использующие террористическую тактику радикальные исламисты в ходе событий в Тунисе, Египте, Ливии и Сирии существенно упрочили свои позиции в регионе.

Таким образом, представляется, что непосредственно «терроризму», являющемуся, повторим, всего лишь тактикой, используемой национальными и религиозными (прежде всего – исламистскими) экстремистами, можно противопоставить также лишь тактику – эффективные механизмы проведения контртеррористических операций и предотвращения террористических актов. В этой сфере обмен опытом и поиск более или менее универсальных методов возможен и даже необходим, равно как и объединение усилий спецслужб, а в ряде случаев – и армейских подразделений при проведении операций против экстремистских группировок, деятельность которых носит трансграничный или международный характер. Сказанное выше, конечно, не является основанием для отрицания факта существования или принижения опасности транснациональных организаций и сетей, активно использующих террористическую тактику. Однако необходимо чётко зафиксировать, что в современном мире источником такой угрозы является прежде всего (а может быть, и исключительно) радикальный исламизм, выработка эффективных механизмов противодействия которому и является действительно одним из важнейших вызовов, стоящих сегодня перед международным сообществом.

Список литературы: 1. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 40. 2. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН // http://www.un.org/russian/terrorism/strategy_resolution.shtml. 3. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdecl.shtml. 4. Косов Ю.В. Международный терроризм как глобальная проблема // <http://anthropology.ru/ru/texts/kosov/terror.html>. 5. Старостина С.А. Ислам в идеологии и практике терроризма. Калининград, 2009. С. 8. 6. Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М., 2008. С. 120–121.

*Бросова Н.З.
г. Белгород, Россия*

ВОЗМОЖНА ЛИ ОБЩНОСТЬ НАРОДОВ А POSTERIORI? СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ И. КАНТА

А. Радищев пронизательно охарактеризовал свое время, XVIII век, «столетьем безумным и мудрым», отметив «крови – в твоей колыбели, припевания – грома сраженьев». Противоречивость эпохи Разума и Просвещения явила себя, с одной стороны, в непрекращающихся социальных конфликтах (что почти подтверждало слова Гоббса о войне всех против всех как естественном состоянии человечества), – но также, с другой стороны, в первых философских концептуальных прозрениях относительно возможности союза народов, мира между народами, достигаемого прогрессом человечества в направлении к лучшему. В это время Г.Э. Лессинг выдвигает идею постепенного воспитания человеческого рода, которое представало основной задачей христианства; Ш. де Сен-Пьер предлагает в целях достижения «вечного мира» проект международной организации для урегулирования межгосударственных споров и претензий; в оформляющейся философии права (Г. Гроций и др.) переосмысливается сам феномен прав человека, заново ставится вопрос о соотношении права, морали, государственности, конкурируют кооперативная (аристотелевская) и конфликтная (гоббсовская) трактовки социальных связей.